

Мария Жигалова

Германия в судьбе и творчестве Марины Цветаевой¹

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.
М. Цветаева*

Марина Ивановна Цветаева (1892—1941) — великая трагическая поэтесса XX века — при жизни была почти неизвестна массовому читателю. Воспитывалась она в высококультурной семье: отец Иван Владимирович — филолог и искусствовед, профессор Московского университета, директор Румянцевского музея — вошёл в историю русской культуры как основатель Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени Пушкина). Мать Мария Александровна, урождённая Мейн, была тонкой и одарённой натурой. Талантливая пианистка, знающая иностранные языки, она происходила из польско-немецкого рода. Поэтому любовью к Германии и был пропитан весь дух семьи. Мать много рассказывала детям о своём отечестве, читала по-немецки старинные сказки, легенды, особенно любила вечерами читать вслух роман «Лихтенштейн» Вильгельма Гауфа (*Wilhelm Hauff*). Любовь матери к Германии передалась и детям. Мария Александровна поселила с детства в душе Марины привязанность к своей «прародине».

Мария была ближайшим сотрудником мужа и в деле создания музея. Вот как вспоминает Цветаева в своей автобиографической прозе «Отец и его музей» (глава 1, «Рождение музея»): «Она вела всю его обширную иностранную переписку и, часто, заочным красноречием своим, какой-то особой грацией шутки и

¹ В статье автор использовал некоторые материалы, взятые из своей книги: М. П. Жигалова, Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика. Монография. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG. Берлин, Германия, 2011. — 305 с.

лести (с французом), строкой из поэта (с англичанином), каким-нибудь вопросом о детях и саде (с немцем) — той человеческой нотой в деловом письме, личной — в официальном, иногда же просто удачным словесным оборотом, сразу добивалась того, чего бы с трудом и совсем иначе добился мой отец»².

Марина вместе с родителями (сначала только с матерью; отец приехал в Германию в 1905-м на Рождество) и младшей сестрой выехали в 1902 году за границу, сначала в генуэзский Нерви, потом в Лозанну, а затем во Фрейбург.

Осенью 1904 года семья Цветаевых жила в Германии. Здесь все вместе, включая младшую дочь Анастасию, они останавливались в деревне Лангакерн (*Langacker*) за Фрейбургом, в горах Шварцвальда. Гостиница «Ангел» — она и сегодня стоит на том же месте, окружённом теми же лесами, горами, деревнями.

...Марина влюбилась в Шварцвальд, иначе и не могло быть, ведь Германия — её прародина: мать внушила ей свою восторженную любовь к этой стране. Эта любовь жила в душе Марины, но, может быть, только в Шварцвальде проснулась по-настоящему. «Как я любила — с тоской любила! до безумия любила! — Шварцвальд, — вспоминала она в 1919 году среди голода и разрухи. — Золотистые долины, гулкые, грозно уютные леса, — не говорю уже о деревне, с надписями на харчевенных щитах *Zum Adler Zum Löwen*³»...

Марина и Анастасия жили и учились в немецком пансионе, принадлежащем Паулине и Энни Бринск. Климат Шварцвальда, как все надеялись, должен был поправить здоровье матери девочек, Марии Александровны. Однако в конце 1904-го года она простудилась, у неё обострился туберкулёзный процесс; она легла в санаторий, отец уехал в Москву, а дети до весны 1905 года остались в пансионе. Мать здесь, когда позволяло здоровье, по поручению мужа ездила в поисках экспонатов по старым городкам Германии, с которой Иван Владимирович был особенно связан.

К одиннадцати годам и Марина уже тоже втянулась в ра-

² М. Цветаева, Избранные произведения. / М. Цветаева — Минск: Наука и техника, 1984. — С. 640

³ В. А. Швейцер, Быт и бытие Марины Цветаевой. / В.А Швейцер. — М., 1992. — С. 51

боту, а именно — писала отцу его немецкие письма. «Отец языки знал отлично, но, как самоучка, и пища и говоря, именно переводил с русского. Кроме итальянского, который знал как родной и на котором долгие годы молодости читал лекции в Болонском университете <...> Зато, какое сияние гордости, когда в ответном письме за таким-то № в конце приписка: «*Griüßen Sie von mir ihr lebenswürdiges und pflichttreues Töchterlein*»^{4 5}, — писала Цветаева.

«Девочка не любила какой бы то ни было навязанной необходимости, начиная с зарубежных пансионатов 1902—1905 гг. (Италия, Швейцария, Германия)»⁶, — пишет исследователь жизни и творчества поэта Анна Саакянц. Режим и учение в них она претерпевала с неохотой. Однако немецкий и французский изучала с удовольствием: языки открывали ей новые пути в мир книг. Музыкой Марина занималась исключительно ради матери, которую она горячо любила. Вот что пишет двенадцатилетняя Марина Цветаева в мае 1905 года из немецкого пансионата матери в санаторий, где её тщетно лечили от туберкулёза: «Дорогая мама, вчера получили мы твою милую славную карточку. Сердечное за неё спасибо! Как мы рады, что тебе лучше, дорогая, ну вот, видишь, Бог помог тебе. Даю тебе честное слово, дорогая мамочка, что я, наверное, знала, что — тебе будет лучше, и видишь, я не ошиблась!.. Как я рада, что тебе лучше, родная. Знаешь, мне купили платье (летнее). У меня только оно и есть для лета. *Fräulein Brinské* находит, что я должна иметь ещё одно платье. Крепко целую! Муся»⁷.

Жизнь дарила Марине радость, добро, любовь, волшебство книжных открытий и человеческих встреч, и, казалось, прекрасный путь этот неизменно бесконечен. Был он прерван трагическими событиями — смертью матери в 1906 году, несчастными, обрушившимися на отца (травля со стороны властей, пожар в музее), умершего семь лет спустя...

Но тогда, летом 1909-го, когда Цветаева с отцом и млад-

⁴ Передайте от меня привет Вашей милой и добросовестной дочурке (нем.)

⁵ М. Цветаева, Избранные произведения. / М. Цветаева. — Минск: Наука и техника. 1984. — С. 641

⁶ А. Саакянц, Марина Цветаева. Жизнь и творчество. / А. Саакянц. — М.: Эллис Лак. — 1997. — 816с. — С. 9

⁷ Там же, с. 10

шей сестрой уехали в Германию, Марине было уже почти шестнадцать, а её сестре Асе — четырнадцать. Вот каким она увидела Шарлоттенбург: «Это городок близ Берлина. Знойное время дня и года. Водопады, потоки, обвалы солнца. Устрашающая девическая мода тех лет: длинные юбки, длинные рукава, тиски обшлагов и пройм, кашканы воротников. Не платья — тюрьмы! Чёрные чулки, чёрные башмаки. Ноги чёрные!.. Шарлоттенбург, казалось, вымер начисто. Ставни закрыты. Вокруг — ни собаки <...> Склады гипсовых слепков и мраморных подлинников. Статуи, статуи, статуи... Довольные, мы с отцом покидаем заколдованное царство⁸».

Однако будущее виделось ей туманно. Позже она об этом написала:

Сильнее гул, как будто выше — зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!..

...

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Всё тот же смех и блёстки тех же звёзд.
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

«Привет из вагона», 9 июня 1910

Лето в Германии, в маленьком городке Вайсер Хирш (*Weißer Hirsch*) под Дрезденом Марина и Ася проводили в семье пастора, в то время как Иван Владимирович работал в хранилищах Берлина и Дрездена, собирая экспонаты для своего будущего музея на Волхонке. О жизни в семье пастора Цветаева написала позже в автобиографическом рассказе «Башня в плюще» (1933).

Всё это отразилось и на её разноликом творчестве: книгах лирических стихов, семнадцати поэмах, восьми стихотворных драмах, автобиографической, мемуарной, историко-литера-

⁸ М. Цветаева, Избранные произведения. / М. Цветаева. — Минск: Наука и техника, 1984. — С. 646 и 648

турной прозе.

Произведения Марины Цветаевой построены на культурологическом материале и иноязычных элементах, и потому её художественные произведения являются своего рода межкультурным медиатором — то есть посредником между культурой, отражённой в произведении; культурой автора и его героев; культурой того социума, в котором живут и действуют герои и сам автор; а также между культурой читателя. Иноязычные элементы (в первую очередь немецкие, французские, чешские) как бы вступают в диалог с читателем. И действительно, диалог языков в поэзии Цветаевой свидетельствует о стремлении автора «собрать расколотый на полюса противоречивый мир в одно единое, целое, а значит, дать читателю истинное знание о мире»⁹. Иноязычные элементы играют особую роль в постижении ими чужой и в то же время родной ей немецкой культуры, потому что немецкий язык и немецкая культура, как и польская, вошли в душу и кровь Цветаевой. Она и сама позже признавалась в этом: «Во мне много душ. Но главная моя душа — германская»¹⁰.

Не менее значимо и написанное ею в 1927 году в Париже стихотворение «Новогоднее». Его понимание немислимо вне контекста немецкого языка — языка эпистолярия Цветаевой и Райнера Марии Рильке (*Rainer Maria Rilke*). Продлившаяся всего полгода переписка поэтов на немецком языке хронологически предшествовала появлению «Новогоднего» и во многом предназначала используемую в нём тематику, систему образов и собственно языковую ткань. Источником русского текста послужил не только его немецкоязычный адресат, Рильке, но и сам немецкий язык. Думается, что, называя стихотворение «Новогоднее» «итоговым произведением не только в её творчестве, но и для русской поэзии в целом», Иосиф Бродский, вероятно, имел в виду нечто большее, чем просто межязыковой диалог, обогащающий стихотворение новыми смыслами, но в целом не

⁹ Я. Клотц, Для поэта нет родней языка: о «всезычии» в поэзии Цветаевой и Бродского. В кн.: Русская культура в Европе. Russian Literature in Europe. Fedor B. Poljakov (Vienna). Vol.3. — Peterland internationaler Verlag der Wissenschaften, 2008. — С. 436

¹⁰ В. А. Швейцер, Быт и бытие Марины Цветаевой, 1992. — С. 51

ставший новым явлением в литературе¹¹. Скорее всего, речь идёт об «ангельском» языке, который со смертью Рильке (а именно этому событию и посвящено стихотворение) стал для Цветаевой родней и русского, и немецкого:

Каждый помысел, любовью, *Du Lieber*¹²,
Слог в тебя ведёт — о чём бы ни был
Толк (пусть русского родней немецкий
Мне, — всех ангельский родней!)...¹³

Язык возводится Цветаевой в абсолют, возвращается к своим истокам, уводя за собой поэта. Иноязычные элементы в поэзии Цветаевой явились той основой, которая помогла ей проникать в другие культуры и постигать их, а вместе с ними постигать себя, мир, так до конца никем и не разгаданный. И немецкий язык, как и Германия, вошли в душу и кровь Марины Цветаевой.

Среди всего, созданного поэтом, особое место занимают произведения, посвящённые Германии. В конце 1914-го года Марина Цветаева написала стихотворение, которое так и называется — «Германии». Его можно рассматривать и как вызов социуму, и в то же время как признание в любви своему *Vaterland*¹⁴. Вопреки тому, что в тот момент шла война, она пишет восторженное славословие Германии — стране романтики, стране Канта и Гёте, всё остальное для неё не имеет значения.

Стихотворение «Германии» также содержит иноязычные элементы, которые дают возможность читателю выявить пути постижения Цветаевой немецкой культуры, определить своё отношение к ней.

Ты миру отдана на травлю,

¹¹ Я. Клотц, Для поэта нет родней языка: о «всеязычии» в поэзии Цветаевой и Бродского. В кн.: Русская культура в Европе. *Russian Literature in Europe*. Fedor B. Poljakov (Vienna)/Vol.3 . — *Peterland internationaler Verlag der Wissenschaften*/ — Frankfurt am Main, 2008. — 562. — С. 247 — 263

¹² Милый (нем.)

¹³ М. Цветаева. Соч. в 7 т. — М., 1994. Т.3. — С. 133

¹⁴ Родине (нем.)

И счёта нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око — око, кровь — за кровь!», —
Германия — моё безумье!
Германия — моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый *Vaterland*,
Где всё ещё по Кёнигсбергу
Проходит узколиций Кант,

Где Фауста нового лелея,
В другом забытом городке, —
*Geheimrath Goethe*¹⁵ по аллее
Проходит с веточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, — когда —

От песенок твоих в восторге,
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на *Schwabenthor*¹⁶.

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус, —
Когда в влюблённости до гроба
Тебе, Германия, клянусь!
Нет ни волшебней, ни премудрей

¹⁵ Тайный советник Гёте (нем.)

¹⁶ Площадь во Фрейбурге

Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном — Лорелей¹⁷.

Это стихотворение было написано в то время, когда шла война России с Германией. Марина остро и обречённо чувствует гибель всего, что ей дорого, без чего она уже не представляет свою жизнь. Читая стихотворение «Германии», не оставляет чувство гордости за лирическую героиню, которая умеет ценить прародину своих предков. Уже в первой строке звучит обеспокоенность лирической героини судьбой дорогой ей Германии.

В почёте стихи патриотические. Но стихи, воспевающие Германию?.. Цветаева читает оду Германии, в которой кляётся ей в любви. И это неслучайно. Для Цветаевой здесь первостепенны две детали. Первая — что в её жилах течёт и немецкая кровь. Вторая заключается в том, что «травля» Германии в русской печати означала для Марины не только нападки на кровно близкое начало, но, прежде всего, отвержение общеевропейской культуры, с чем она согласиться, разумеется, не могла. Кроме того, с детства, начиная с осознания смешения многих кровей в ней самой — русской, польской, немецкой — она несла гордое презрение к любым видам национализма и шовинизма.

Травля, бесчисленные враги, предательство тех, кого Германия вскормила, кого лелеяла, — всё это убеждает лирическую героиню в правильности принятого ею решения — ни «оставить», ни «предать» свою вторую родину она не сможет. Конечно, героиня понимает, что сделать это будет нелегко, но другого отношения к ней проявить она не сможет, да и не желает.

Вместе с тем, лирическая героиня уверена, что её любовь к Германии не должна сопровождаться местью к её врагам, так как «за око — око, кровь — за кровь!» — это удел слабых. Она же — сильная, а это значит, что, реально оценивая достоинства и недостатки Германии, она понимает, что любовь к ней соединяет в себе не только слепое поклонение, но и критическую оценку

¹⁷ На немецком языке последнее слово в стихотворении произносится как «Лорелей», что его рифмует со словом «край» (Прим. ред.)

действительности. Поэтому любовь к Германии — это и «безумье»! Так как любить то, что все осуждают, что отдано на травлю миру, а значит, беззащитно, вдвойне тяжело и часто даже опасно. И, тем не менее, лирическая героиня не может отвергнуть «мой столь гонимый *Vaterland*», так как уверена в другом — любить Германию есть за что. Это и её культура (незабываемый «Фауст», Швабские ворота, песни, природа), народ с его педантизмом и мудростью жизни, её история, удивительная природа (вечный Рейн). Неудивительно, что Цветаева наделяет Германию такими тёплыми эпитетами, как «благоуханный край», «германская звезда», «волшебный край», «премудрый край» и другими, свидетельствующими о её неподдельном и искреннем чувстве.

Поэтому тема стихотворения — признание в любви. Лирическая героиня осмысливает всю сложность положения Германии, но ни оставить, ни предать, ни безумно мстить её врагам, ни отвергнуть, ни «покинуть» свою «германскую звезду», она не в силах. Любовь лирической героини к Германии настолько сильна, что, будучи в восторге от песенок, она не слышит «лейтенантских шпор», «её не душил злоба на кайзера взлетевший ус». Она не хочет всего этого замечать, так как понимает, что любовь её — чувство постоянное, потому что родину «любить наполовину» лирическая героиня не научена. И, может быть, потому её клятва («Когда в влюблённости до гроба / Тебе, Германия, клянусь») звучит как гимн Германии, где «чешет золотые кудри / Над вечным Рейном — Лорелей».

Тревога за судьбу свою и Германии (а для лирической героини, как и для самой Цветаевой, они слиты воедино!) постепенно усиливается, нарастает. Оставить? Предать? Отвергнуть? Покинуть? — этому она не научена. «Любить наполовину» — это не для неё. Поэтому ответы на вопросы-сомнения утвердительны: «Я — остаюсь». Остаюсь здесь, хотя и понимаю, что здесь тоже не всё так безоблачно и легко. Остаюсь здесь, потому что это родина моих предков. Остаюсь здесь, потому что люблю этот «волшебный, премудрый, благоуханный край». Остаюсь, потому что жизни без Германии не мыслю. Остаюсь, потому что своей этнической родине я не нужна.

Ключевые и доминантные слова в каждой строфе лишь

усиливают чувство верности и преданности: «возьму благоразумье», «безумье», «любовь», «не душит злоба», «влюблённость до гроба», «клянусь».

Топонимы и антропонимы (Германия, Кёнигсберг, Фрейбург, Рейн, Кант, Георгий, кайзер, Лорелея, Гёте и другие) не только конкретизируют пространственно-временные рамки, но и говорят о значимости тех вечных человеческих ценностей, какими определяется сущность любого государства: философия жизни в нём (Кант), вера (Святой Георгий), власть (кайзер) и красота (Гёте, Лорелея). Эти составляющие и сегодня, как барометр, определяют нравственность, мораль, а значит, и прочность любого государства, как, впрочем, и уровень отношения к нему соотечественников, по воле судьбы живущих в разных странах мира.

Если сопоставить стихотворение «Германии» 1914 года с одноимённым, написанным в 1939-м, проанализировать культурно-исторический фон и выделить лингвокультуроведческие, литературоведческие, общие и специфические, характеристики, то можно увидеть, что в эмоциях и чувствах Цветаевой произошли изменения¹⁸. Вслушаемся:

О, дева всех румянее
 Среди зелёных гор —
 Германия! Германия! Германия!
 Позор!
 Полкарты прикарманила,
 Астральная душа!
 Встарь — сказками туманила
 Днесь — танками пошла.
 Пред чешскою крестьянкою
 Не опускаешь вежд,
 Прокатываясь танками
 По ржи её надежд?

¹⁸ Полный анализ стихотворения смотри в книге: М. П. Жигалова, Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика. Монография. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG. Берлин, Германия, 2011. — 305 с. — С. 273-279

Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны,
Что чувствуете, Германны:
Германии сыны?
О, магия! О, мумия
Величия! Сгоришь,
Германия! Безумие! Безумие
Творишь!
С объятьями удавчими
Расправится силач!
За здравие, Моравия
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия! Богемия! Богемия!
Наздар!¹⁹

Время написания стихотворения было самым тяжёлым и в жизни Цветаевой. Ностальгия, духовная изоляция, неопределённость положения, желание уехать в Россию, чувство обречённости — вот составляющие трагедии её жизни. Цветаева была всегда вне политики, но всегда осуждала насилие, жестокость, войну, которые несут человечеству горе и разочарование. Именно такому периоду и посвящено стихотворение «Германии» 1939 года, когда фашистская Германия во главе с Гитлером решила завоевать мир.

В результате соглашения, заключённого в сентябре 1938 года в Мюнхене Германией, Италией, Англией и Францией, Чехословакия была оккупирована и разделена на три части: Словакию, Моравию и Богемию. И потому отношение Марины к Германии как к прародине своих предков теперь уже не такое восторженное, как это было в первые годы её знакомства со страной. Не случайно поэт обращается к сынам Германии — «Германам», взывая к их чувствам, к их совести, призывая опомниться и не творить безумия, тем самым предостерегая их от мании величия, которая, затмевая рассудок, и приводит

¹⁹ М. Цветаева, *Стихотворения. Поэмы* / — М.: РИПОЛ классик, 2008. — С. 407

к трагедиям. Стихотворение написано в форме монолога-обращения, предостережения. Поэт, кажется, напоминает человечеству об ответственности, предупреждает о возмездии, которое наступит неминуемо. Эта мысль, легко угадываемая и прочитываемая в подтексте стихотворения, звучит и сегодня как наказ и предостережение потомкам, и легко дополняется ещё одним жизненным правилом — предупреждением от жадности и алчности, которые разрушают как отдельную личность, так и мирную жизнь, цивилизацию, ибо человек всегда ненасытен в своих материальных желаниях. Как тут не вспомнить Эрнеста Хемингуэя, который сказал: «Дайте человеку необходимое — и он захочет удобств. Обеспечьте его удобствами — он будет стремиться к роскоши. Осыпьте его роскошью — он начнет вздыхать по изысканному. Позвольте ему получить изысканное — и он возжаждет безумств. Одарите его всем, чего он ни пожелает, — и он будет жаловаться, что его обманули и что он получил совсем не то, что хотел»²⁰.

Из написанного Мариной Цветаевой в Германии интерес представляет и стихотворение «Оба луча» (написано в городе Вайсер Хирш летом 1910 года)²¹, которое помогает понять читателю сложность жизненного выбора.

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
 Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
 Луч серебристый молился, а яркий
 Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
 Каждую искорку, сердце, лови!
 В каждой молитве — любовь, и молитва
 В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче

²⁰ Э. Хемингуэй, Кредо человека, эссе. Перевод В. Стоянова. Иностранная литература, №2/2000. Цит. по <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/2/heming.html>

²¹ Полный анализ стихотворения смотри в книге: М. П. Жигалова, Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика. Монография. — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG. Берлин, Германия, 2011. — 305с. — С. 279-283

Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе —
Оба луча!

Первая строка и последняя составляют композиционное кольцо. Первая ставит перед читателем вопрос выбора (Солнечный? Лунный?), а последняя даёт уже готовый ответ (Оба луча!). Лирическая героиня уверена, что солнечный и лунный лучи идут в жизни всегда рядом. Солнце — это «тёплый» свет, луна — «холодный», но человек не может всю жизнь греться под одним солнцем. Лунный свет тоже имеет свою прелесть. Жизнь каждого из нас в этом мире — это смена радостей и печалей, удач и огорчений. Только такая жизнь будет гармоничной. Тема стихотворения — выбор и его значимость в жизни каждого человека. Идея — невозможность предпочтения одного другому, так как гармония может наступить лишь при наличии их обоих. В подтексте стихотворения угадывается глубокая жизненная философия: сделать выбор между сладостно манящей мечтой и действительностью очень сложно, а порой и мучительно.

Цветаева обращает читателя к неизбежности выбора, вечного жизненно важного и значимого в судьбе каждого человека, выбора между светом и тьмой, добром и злом, призывая тем самым читателя к вечной гармонии жизни. Позже тема стихотворения — никогда не встречающихся солнца и луны — станет центральной в поэме «Царь-Девница» (1920).

Стихотворения «Германии», «В Люксембургском саду», «Оба луча», «Новогоднее», поэма «Царь-Девница», рассказы «Башня в плюссе», «Шарлоттенбург» и другие — всё это создано в Германии и о Германии. Свой выбор Цветаева сделала, будучи ещё маленькой девочкой. Выбор был сделан сердцем, душой, который позже стал и её судьбой.

15 мая 1922 года. Марина Цветаева со своей малолетней дочерью Ариадной (Алей) опять оказалась в Германии. Они сошли на вокзале Берлин-Шарлоттенбург, сели на извозчика и поехали к Пражской площади (*Prager Platz*) в пансион *Prager Diele*, где их уже ожидала семья Ильи Эренбурга. Сюда в разное время приезжали, помимо Эренбурга, Андрей Белый, Алексей

Ремизов, Виктор Шкловский, Алексей Толстой, Владислав Ходасевич, Нина Берберова и другие.

Благодаря стараниям Эренбурга в Берлине вышли две книги Цветаевой: «Стихи к Блоку» (издательство «Огоньки») и «Разлука» (издательство «Геликон»). Русские литераторы встретили Цветаеву за границей великолепно. А за неделю до её приезда в Берлин газета «Накануне» писала: «Марина Цветаева кровью и духом связана с нашими днями... Она — честна, беспощадна к себе, сурова к словам»²². Здесь, в Берлине, Цветаева выступала на вечере в «Доме искусств», а Андрей Белый познакомил её с рядом интереснейших людей. Среди них — Марк Слоним, литератор, сотрудник пражского журнала «Воля России», этот человек долгие годы был одним из самых верных и постоянных друзей Цветаевой; писатель Роман Гуль; Абрам Вишняк, издатель «Геликона», которым Марина увлеклась так сильно, что впоследствии её муж Сергей Эфрон с величайшей горечью написал, что, когда он приехал в Берлин, «костёр в душе Марины Ивановны был уже разожжён другим»²³.

Палящее солнце, каменная мостовая, стук первых шагов торопящихся на работу жителей города — в такую гамму слилось у Цветаевой восприятие немецкой столицы лета 1922 года, о котором она 10 июля пишет в стихотворении «Берлину»²⁴:

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вдрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалося — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилоствивились, казармы!

В Берлине для «Геликона» Цветаева подготовила книгу «Ремесло», а для издательства Зиновия Гржебина — книгу

²² А. Саакянц, Марина Цветаева. Жизнь и творчество. / М.: Эллис Лак. — 1997. — 816 с. — С. 301

²³ Там же — С. 302

²⁴ Полный анализ стихотворения смотри в книге: М. П. Жигалова, Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. С. 283-285

«Психея» (романтические стихи 1916-1921 годов). Встречи с Белым, жившим недалеко от Берлина, в городе Цоссене (*Zossen*), она позднее описала в мемуарах-реквиеме «Пленный дух». В них Цветаева создала непревзойдённый пока никем образ этого гениального человека, рассказала об их встречах в Берлине и о своём приезде в Цоссен жарким июньским днём 1922 года.

В это же время Цветаева написала Борису Пастернаку из Берлина: «Я в Берлине надолго, хотела ехать в Прагу, но там очень трудна внешняя жизнь. Здесь ни с кем не дружу, кроме Эренбургов, Белого и моего издателя Геликона... Здесь очень хорошо жить, не город (тот или иной) — безымянность — просторы!..»²⁵ Пастернак ответил Цветаевой 14 июня 1922 года: «Дорогая Марина Ивановна! Сейчас я с дрожью в голосе стал читать брату Ваше — «Знаю, умру на заре, на которой из двух...» и был как чужим, перебит волною подкатывавшегося, и когда я перевёл свои попытки с этого стихотворения на «Я расскажу тебе про великий обман» я был также точно Вами отброшен, и когда я перенёс их на «Вёрсты и вёрсты и чёрствый хлеб» — случилось то же самое... Как странно и глупо кроится жизнь! Месяц назад я мог достать Вас со ста шагов и существовали уже «Вёрсты», и была на свете та книжная лавка в уровень с капелью без порога, куда сдала меня ленивая волна тёплого плавившегося асфальта... Итак — простите, простите!»

Заметим, что воспоминаний, рассказывающих о Цветаевой берлинского периода, почти не осталось: «Загорелое лицо, подстриженная чёлка, быстрый и умный взгляд, дешёвое платье, мужские ботинки, руки как у цыганки, в серебряных браслетах и кольцах; шаг — широкий; мало женственности»²⁶ — такой запомнил её Роман Гуль. Марина Цветаева любила беседы, прогулки, собеседницей — на самые разные темы — была интереснейшей. И первое время после её отъезда они с Гулем переписывались. Цветаева была с ним абсолютно откровенна и доверительна.

Но вскоре «...позади оставались: город (пусть бы и квартал!), к которому привыкла, цивилизованный пансионский быт

²⁵ Д. Саакянц, Марина Цветаева. Жизнь и творчество. — М.: Эллис Лак. — 1997. — 816 с. — С. 311

²⁶ Там же — С. 314

и, что главное, — человеческие отношения (дружеские, лирические, деловые), которые — теряла. Предстоял словно обрыв в бездну, скачок в никуда»²⁷. Впрочем, на вопрос, как, уезжая, себя чувствовала Марина Цветаева, ответила она сама: «колдовским» стихотворением без отдельного названия, являющим собою некую невнятицу житейской, потусторонней ворожбы, сквозь которую слышались прощание, прощение, одиночество, отрешение, усталость:

Леты слепотекущей всхлип:
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою, — еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.

И хотя последние строки, написанные ею в Берлине, были другие, это стихотворение Цветаева пометила 31 июля 1922 года, то есть последним днём пребывания в немецкой столице. Первого августа она была уже в Праге. И в Берлин уже никогда не вернулась.

²⁷ Там же — С. 315